

Антонян Юрий Миранович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного областного университета
(e-mail: antonyaa@yandex.ru)

Некрофилия: понятие, типология, объяснение

В статье раскрывается связь некрофилии с религиозными и мистическими представлениями разных народов о смерти. Анализируется происхождение страха смерти и его влияние на человека.

Ключевые слова: некрофилия, виды некрофилии, влечение к смерти, загробная жизнь, страх смерти.

Yu.M. Antonyan, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State Regional University; e-mail: antonyaa@yandex.ru

Necrophilia: definition, typology, explanation

The article reveals the connection of necrophilia with religious and mystical ideas of different peoples about death. The origin of the fear of death and its impact on human rights are examined.

Key words: necrophilia, kinds of necrophilia, attraction to death, afterlife, fear of death.

Греческое слово *nekros* означает «труп, нечто мертвое, неживое, житель загробного мира». В латинском языке слова *nekros*, *nekro* имеют значение «насильственная смерть или убийство». Слово *nekros* совершенно определенно относится не к смерти, а к мертвому, мертвечине и убиенному (смерть которого, очевидно, отличается от естественной кончины). Слова «умирать» и «смерть» имеют другое значение, они относятся не к трупам, а к процессу ухода из жизни. В греческом языке аналогичное значение имеет слово *Thanatos*, а в латинском – *mors* и *mori*. Английские слова *die* и *death* (как и немецкие *tod* и *tot*) восходят к индоевропейскому корню *dheu*, *dhou*.

Хотя слово *nekros* и означает труп, нечто мертвое, образуемое им научное понятие некрофилии означает не только «любовь» к мертвецу, трупу. В современном терминологическом понимании это влечение, тяготение к смерти, в том числе к трупу, непреходящие навязчивые думы о смерти, удовлетворение своих сексуальных потребностей путем различных манипуляций с ним, а также особое отношение к смерти как способу достижения своих эгоистических, политических, военных и иных личных целей. Последнее – социальная (общесоциальная) некрофилия.

Э. Фромм писал, что понятие «некрофилия» обычно распространяется на два типа явлений. Во-первых, имеется в виду сексуальная некро-

филия (страсть к совокуплению или иному сексуальному контакту с трупом). Во-вторых, речь может идти о феноменах несексуальной некрофилии, среди которых желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему и, наконец, специфическая страсть к расчленению мертвого тела [1, с. 280]. Правда, в ходе своего исследования Э. Фромм приходит к выводу о существовании еще одного вида некрофилии (социальной), который он самым блестящим образом иллюстрирует на примере Гитлера.

Однако еще есть одна разновидность некрофилии – это убийство ради убийства, цель которого – приблизиться к смерти, соприкоснуться с ней, увидеть переход от жизни к смерти, наконец, насладиться убийством, показать свою силу и смелость, «создать» мертвеца. Речь, собственно, идет о некрофилии как мотиве убийства. Это достаточно распространенный мотив, но о нем следователи, прокуроры и судьи знают мало, потому что их этому не учили. Вот почему убийства по непонятным мотивам обычно квалифицируют как совершенные из хулиганских побуждений. Следовательно, большинство многоэпизодных и серийных убийц можно рассматривать в качестве некрофилов.

Некрофилия проявляет себя в качестве мотива агрессии еще в одном виде поведения – самоубийствах. Некоторыми самоубийцами

смерть предощущается как близкая, понятная. Она является выходом из самого трудного положения.

Итак, существует пять видов (типов) некрофилии:

сексуальная некрофилия;

несексуальная некрофилия, проявляющаяся в желании находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему, расчленять мертвое тело (по Э. Фромму);

некрофилия как мотив убийства;

некрофилия как мотив самоубийства, причем самоубийство вполне может сочетаться с убийством;

социальная (общесоциальная) некрофилия как особое отношение к смерти для решения своих эгоистических, корыстных, политических и иных личных целей.

Человечество биофильно, о смерти думают главным образом старики и тяжело больные, а стремятся к ней лишь те, о которых пойдет речь ниже. Тем не менее смерть имеет над человечеством необычайную власть. Она всегда была для него первостепенной загадкой и тайной, в которую он не проник и, возможно, не проникнет никогда. Смерть во всем ее многообразии является одним из самых мощных источников религии, мистики, мифологии, сказок и, конечно, искусства. Существенная часть мифов прямо или косвенно посвящена именно ей.

Необходимо отметить, что некрофилия – это не только влечение, тяготение к смерти как таковой, но и еще влечение, тяготение к трупу.

Все религиозные и мистические учения о загробной жизни есть описания смерти, а догмат о душе, столь важный для религиозного человека, представляет собой не что иное, как утешение для всех живых: их существование продлится после смерти в облике души. Сакральный мир – это мир смерти, как бы ни были настойчивы и «неопровержимы» утверждения, что после смерти люди или их часть будут жить в лучшем мире, смерть всегда была и остается наказанием, причем самым страшным. Даже многие древние модели инициации включали в себя очень важный элемент – смерть.

Боги, создатели всего сущего на земле и властители Вселенной, были той силой, от которой зависит жизнь и смерть. Все гимны, моления и жертвоприношения богам и другим потусторонним силам очень часто заключали в себе мольбу об избежании смерти.

Многие мифы и легенды посвящены происхождению смерти, сущности самой смерти и бессмертию, борьбе за бессмертие. Очень большое внимание уделяется смерти как про-

цессу, самому умиранию («Египетская книга мертвых», «Тибетская книга мертвых»). Между тем, отношение к смерти, ее незримое присутствие стали стимулом создания величайших произведений в музыке, живописи, культуре, поэзии, прозе и т.д. Конечно, признание значимости и неотвратимости смерти не равнозначно страху перед ней, тем более немало людей, которые не испытывают такого чувства, хотя и не тянутся к ней.

По мнению Э. Фромма, есть только один способ преодолеть страх смерти – не цепляться за жизнь, не относиться к ней, как к собственности (этому учат Будда, Иисус, стоики, Майстер Экхарт). Страх смерти – это, в сущности, не страх, что жизнь прекратится. Как говорил Эпикур, смерть не имеет к нам никакого отношения, ибо «когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет». Но это высказывание Эпикура звучит как не слишком остроумная шутка и не раскрывает сущности явления. Несомненно, существует страх боли и страданий, которые могут предшествовать смерти, но этот страх отличен от страха смерти. Хотя в таком случае страх смерти мог бы показаться иррациональным, дело обстоит иначе, если относиться к жизни как к собственности. И тогда этот страх перестает быть страхом смерти, это страх потерять то, что человек имеет (свое тело, свое «Я», свою собственность и идентичность); это страх «потерять себя», столкнуться с бездной, имя которой – небытие [2, с. 134].

Не думаем, хотя и не располагаем на этот счет эмпирическими данными, что на свете есть много людей, которые относятся к жизни, как к собственности, тем более что множество людей не имеет никакой собственности и не знает поэтому, как к ней относиться, т.е. у них не сформировалось чувство собственности. В таком случае наблюдается не страх потерять собственность, т.к., в конце концов, собственность есть лишь одна из ценностей жизни, а потерять все, в том числе самые простые радости (видеть близких, ясный солнечный день, работать и т.д.). Утверждать же, что смерть не имеет к нам никакого отношения, можно лишь в качестве шутки или, как уже отмечено выше, неубедительного и неумного утешения. По Э. Фромму, люди должны бояться смерти, поскольку руководствуются в жизни принципом обладания. И никакое рациональное объяснение не в силах избавить их от этого страха. Однако даже в смертный час он может быть ослаблен, если воскресить чувство привязанности к жизни, откликнуться на любовь окружающих

ответным порывом любви. Э. Фромм считает, что исчезновение страха смерти начинается не с подготовки к смерти, а с постоянных усилий уменьшать начала обладания и увеличивать начала бытия.

Сами понятия «собственность» и «обладание» можно воспринимать и объяснять по-разному, в том числе и как не имеющие никакой материальной ценности. Но в большинстве случаев они понимаются как имущественно значимые, их реализация позволяет обрести некоторое блаженство после смерти. Как раз так можно понять слова Христа: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе власяница не ветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12, 33–34). Как отмечал И. Брянчанинов, причисленный в православии к лику святых, смерть – великое и сокровенное таинство. Она, как и жизнь, настолько велика и сокровенна, что в принципе непознаваема, какие бы мудрые и глубокие мысли по ее поводу не были высказаны.

Но слова о том, что смерть – это великое и священное таинство, ничего нового в себе не несут, поскольку об этом было известно еще до христианства. Смерть непознаваема, в этом ее сила и власть. Познать смерть путем самых глубоких рассуждений невозможно, и если здесь есть какой-то потенциал, то это научное использование каких-то (трудно сказать, каких) технических (или физических, химических) достижений.

В близкие отношения со смертью вступают не только убийцы-некрофилы, но и многие другие, например люди, играющие со смертью. Они в одиночку пересекают в лодке моря и океаны, поднимаются на недоступные вершины, играют в русскую рулетку и т.д. Ими, как можно предположить, движет бессознательное стремление не только заглянуть в неведомое, но и выковать свою стойкость перед ним.

Еще об одной категории лиц, тесно соприкасающихся со смертью, рассказывают С. и К. Грофы. По их мнению, это люди в состоянии духовного кризиса. Для многих из них этот процесс является быстрым и неожиданным. Внезапно они чувствуют, что их комфорт и безопасность исчезают, как будто они получили некий толчок в неизвестном направлении. Знакомые способы бытия больше не кажутся подходящими и сменяются новыми. Индивид чувствует себя неспособным зацепиться за какие-либо проявления жизни, испытывает страх

и не может вернуться к прежнему поведению и старым интересам. Таким образом, он может быть поглощен огромной тоской по своей умирающей старой сущности.

Состояние освобождения от различных ролей, отношений, от мира и от самого себя – еще одна форма символической смерти. Это хорошо известно различным духовным системам как первейшая цель внутреннего развития. Такое освобождение от старого является необходимым в жизни событием, и оно происходит в момент смерти, когда каждый человек понимает, что не сможет унести с собой принадлежащие ему материальные вещи. Такие переживания дают возможность полнее радоваться всему, что человек имеет в жизни. Практика медитации и другие формы самоисследования приводят искателей к столкновению с этими переживаниями еще до того, как наступает момент физической смерти. В буддизме привязанность или пристрастие к проявлениям материального мира считается корнем всех страданий, а отказ от этой привязанности – ключом к духовному освобождению.

Одним из источников тяготения к смерти, которое находит свое наивысшее негативное проявление в некрофилии, может быть свойство человеческого ума видеть в том, что хорошо известно и понятно, выражение своего могущества и власти. Непонятное и непознанное вызывает, напротив, беспокойство, неуверенность, тревожность. Это хорошо представляли себе и наши далекие предки.

Так, по поверьям индейцев племени куна, для удаи на охоте нужно знать происхождение дичи. Если удастся приручить некоторых животных, то только потому, что магам известен секрет их создания. Так, например, небезопасно держать в руках раскаленное железо или ядовитых змей, если неизвестно их происхождение. Верование это достаточно распространено и встречается не только у племен одного вида культуры. На Тиморских островах, например, при созревании риса в поле отправляется тот, кому известны мифические традиции риса. Он проводит там всю ночь, громко рассказывая легенды, объясняющие, как была получена культура риса (миф о происхождении). После рассказа, как произошел рис, эта культура должна расти особенно хорошо, дружно и густо, как тогда, когда ее сажали в первый раз, т.е. в мифологические времена всех начал. Рису напоминают, как он был создан, чтобы научить его, как следует себя вести, магически принуждают вернуться к своему генезису. В большинстве случаев знать миф о происхож-

дении недостаточно, его надо воспроизводить, демонстрировать, показывать [3, с. 25–27].

Весьма сомнительно, что примитивные общества наказывали смертью своих соплеменников-преступников и тем более врагов, зная, что смерть есть лишь пролог к возрождению, высшему существованию. Если не учитывать изначальный, психический, даже организмический, страх перед смертью, то окажется, что наказание ею в древности и сейчас есть вовсе не наказание, а поощрение и награда. Если у первобытного (или современного верующего человека) не было (и нет) страха смерти, почему он сражался с врагами, защищался от хищных животных и естественных бедствий вроде пожаров, наводнений или засухи, почему стремился излечиться от опасных болезней?

Конечно, в таинствах инициации, о которой написано большое количество литературы, посвящаемый испытывал ритуал смерти. Но он и его близкие хорошо знали, что это вовсе не настоящая смерть. Инициация преследовала цель превращения ребенка (подростка) во взрослого, и он проходил символический путь от смерти к выздоровлению. Кроме того, юноша приобретал прочнейшую связь с религиозной системой, выражаясь современным языком, поглощался соответствующей идеологией, что было непременным условием прочности общественного строя. Но не преследовал ли весь названный ритуал, помимо понятных целей, еще и другую – обмануть смерть, сделать ее менее страшной и психически более близкой?

Религии, в том числе архаические и христианство, основываются на том, что кризисы, провалы, падения, катастрофы, сама смерть – это не конец всего, а, напротив, важнейший этап, ведущий к новой, лучшей жизни. Смерть, следовательно, дает возможность жить заново и на более высоком уровне, поэтому она получает свое истинное позитивное значение и ее не следует страшиться. Однако даже примитивного человека не удалось убедить в этом. Страх перед смертью оказался сильнее.

Все легенды о чудесных воскрешениях, в том числе библейские и фольклорные сказания, выдают страстное человеческое желание бессмертия. Действительно, возможны случаи возвращения к жизни после клинической смерти, комы или летаргического сна. В большинстве стран к людям, которые пережили, это относились с пониманием и заботой, но так было не везде. Р. Киплинг рассказывал, что индусы были весьма отрицательно настроены к людям, которых вернули «с того света», содержали их в резервациях и не давали возможности

общаться с другими. Думается, что такая строгая изоляция не случайна: очевидно, люди полагали, что побывавший в «другом мире» человек опасен, он может «оттуда» принести нечто, что представляет очень серьезную угрозу для людей. Ведь и древним людям тот, кто соприкасался со смертью, в том числе защищавший родину и убивший врагов воин, представлялся весьма опасным. Его не встречали, как сейчас, с почестями, барабанным боем и литаврами. Напротив, он обязательно должен был пройти длительный обряд очищения. Следовательно, страх смерти может реализовываться и в таких несколько опосредованных формах.

Практически у всех народов мира есть неисчислимо множество примет, поверий, суеверий, ориентированных на то, чтобы вовремя указать человеку на смертельную опасность и помочь избежать смерти. Связанные с опасностью смерти суеверия охватывают все сферы жизни и в том числе связаны с предметами и явлениями, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к нашей бренности. Все указанные суеверия проникнуты страхом смерти.

Так, согласно поверью, существующему на Британских островах и в России, тот, кто нанесет ущерб можжевелнику, может погибнуть. Жители Уэльса считают, что тот, кто срубит это растение, не проживет и года. На юго-западе России сельские жители уверены, что хозяин дома, возле которого посадили можжевелник, вскоре умрет.

Попытаемся объяснить это суеверие и прежде всего понять, почему данное растение наделяется столь опасными свойствами: его нельзя «обидеть» (срубить), но в то же время его близкое соседство сулит смерть.

Нужно учитывать, что можжевелник является необходимой, важнейшей частью ритуала так называемого чистого огня. Его добывают следующим образом: берут два куска дерева, трут друг о друга до появления огня и бросают в него ветки можжевелника. От трений этих веток возникает дым, сквозь который прогоняют скот: больной – чтобы вылечить, здоровый – чтобы не заболел. Обратим внимание, что падеж скота отворачивают не те куски дерева, которые трут друг о друга, чтобы получить огонь, а ветки можжевелника. Следовательно, данное растение обладает мощными и таинственными силами противодействия смерти, в данном случае скота, но смерть универсальна и едина, она угрожает и человеку, и животным. Очень опасно жить с ним рядом или каким-то образом разрушить. Можжевелник способен противостоять смерти скота, т.е. остановить

ее, прекратить ее действие, но в его власти и наслать гибель на человека. По такой же схеме мыслил первобытный человек: если шаман может вылечить от смертельной болезни, т.е. умеет каким-то таинственным способом воздействовать на смерть, даже укротить ее, то он, если захочет, и наслет ее на человека. Поэтому шаман (в нашем случае – можжевельник) вызывает страх.

Как отмечал Л. Леви-Брюль, в очень многих первобытных обществах в случае тяжелой болезни или смерти человеку сразу же приходила мысль о дурном влиянии, вызванном гневом предка или действием колдуна. Австралийцы, например, считали, что смерть никогда не бывает естественной. Да и как могло быть иначе? Они не имели никакого представления о функциях организма, о том, что их нарушает, поэтому болезнь и смерть воспринимались как следствие сверхъестественной причины, т.е. колдовства [4, с. 155].

Наше особое отношение к памяти предков, их почитание, так украшающее современную цивилизацию, одним из основных своих источников имеет страх первобытного человека перед умершими. Ведь умерший – это тот, кто за гранью жизни постоянно общается со смертью, даже, образно говоря, существует в смерти, значит, обладает устрашающей возможностью наслать ее на живущих. Поэтому нельзя гневать усопших. Чтобы обеспечить их благоволение, первобытные люди совершали умиловительные обряды, установленные традицией, пользующейся нетленным уважением (например, приношение жертв и даров). Мир покойников поддерживает постоянные сношения с миром живых. В этом смысле он составляет часть того, что мы называем природой. Недавно умершие покойники являются в полном смысле «иными членами клана». Почти во всех первобытных обществах к ним относились так же, как к соседям, с которыми ни за что не хочется испортить отношения. Включение предков в собственный клан (племя, род) делало их психологически значительно ближе и понятнее, следовательно, уменьшало страх перед ними. Конечно, не только страх детерминировал такое отношение к покойникам, но он был в числе главных факторов, определявших связь с ними древнего человека.

С. Рязанцев правильно отмечает, что ритуальные обряды имели предохранительную цель, они должны были оградить живых от злого, а подчас и губительного влияния мертвых. Даже до сегодняшнего дня в погребальной традиции сохранились отголоски древних ритуалов и верований.

Так, считается обязательным выносить покойника из дверей вперед ногами, чтобы он не вернулся. Еще в прошлом веке в этих же целях разбирали для выноса покойника потолок или стены избы, т.к. мертвый не должен был знать, где находится дверь, иначе он может возвратиться. Древние люди, чтобы избежать этого, даже связывали покойников. Особо опасны, согласно фольклорным представлениям, «злые мертвецы» (вампиры, упыри, вурдалаки), которые нападают на людей, пьют их кровь, могут наслать болезни и смерть. Считается, что укушенный вампиром сам становится таким же. У сербов и русских образ вампира смешался с мифологическим образом волка-оборотня, так появилось слово «вукодлак» (или «вурдалак»).

С. Рязанцев обращает внимание на особое отношение к тем покойникам, которые умерли неестественной смертью (были убиты, заблудились и поэтому погибли и т.д.). Исследователь не винит в этом церковь, так как она отказывала в погребении лишь самоубийцам, однако не пытается объяснить причину подобного отношения к ним. Между тем, если такой покойник оказывался похороненным на общем кладбище, то он мог, по народным представлениям, стать причиной больших общих несчастий. Погибший неестественной смертью считался опасным потому, что не сам пришел к естественной кончине, а, наоборот, смерть нашла его. Значит, он обладал какими-то качествами, которые притягивали к себе смерть, а поэтому был страшен для всех других людей. Такого человека следовало отделить от них даже в ином мире, показать смерти, что остальные не имеют с ним ничего общего, и таким способом отвести от них смерть.

Распространено мнение, согласно которому церковный запрет хоронить на общем кладбище самоубийц вызван тем, что только Бог может давать и забирать жизнь. Полагаем, что существует и другая причина: самоубийца вызывает страх у всех, в том числе у церковнослужителей, потому что сам позвал смерть, т.е. имеет к ней особое отношение. В то время как подавляющее большинство людей всеми силами пытается избежать смерти, самоубийца сам и обычно весьма активно ищет ее. Значит, он не боится ее, имеет с ней много общего и уже по этой причине весьма опасен. Таким образом, церковный запрет хоронить на общем кладбище самоубийц порожден обычным страхом смерти.

Страх смерти в той или иной форме сопровождает человека с его первых дней жизни. Первобытный индивид испытывал глобальный страх

перед всем, но большинство витально важных переживаний сводилось к одному – всепоглощающей боязни быть уничтоженным. У современного человека не меньше причин, объективных и субъективных, для возникновения страха смерти. Некоторые из них связаны с драматическими, даже катастрофическими событиями в индивидуальной жизни, когда появлялась угроза гибели. Как отмечают С. и К. Грофы, переживания, относящиеся к смерти, могут быть связаны с обстоятельствами рождения. Человек всегда переживает некоторые формы сущностного контакта со смертью, когда в нем оживают воспоминания о его рождении с сопутствующими им ощущениями удушья и угрозы для жизни. Полагаем, что авторы имели в виду какие-то особые состояния психики, при которых была получена эта информация. Слово «воспоминание» не может быть использовано в данном контексте, поскольку оно предполагает наличие рационального и сознательного компонента, отсутствующего, если речь идет о собственном рождении.

Можно полагать, что исследователи имели в виду трансперсональные переживания либо переживания, оставшиеся на инстинктивном или организмическом уровне. Во всяком случае, такая позиция представляется малоубедительной, тем более авторы не приводят никаких эмпирических материалов.

Трансперсональные области, пишут С. и К. Грофы, содержат в себе как светлые, так и темные элементы, страх могут вызывать и те и другие. Кто-то может бороться с чудовищным мифологическим демоном или пережить заново битву, состоявшуюся в другой эпохе. Чувства тревоги и страха в таких ситуациях неизбежны. В переживаниях, похожих на воспоминания прошлых жизней, могут ярко оживать ощущения убитого солдата, раба, мученика или матери, оплакивающей утрату детей во время войны. Человек может переживать столкновение со смертью в мифологических мирах, например, через свое отождествление с фигурой распятого на кресте Христа либо с расчленяемым на части Осирисом. Индивид может отождествляться с общечеловеческим опытом умирания, становясь каждой женщиной, которая умирает во время родов, и всеми мужчинами, которые на протяжении истории человечества были убиты в сражениях. Кто-то может пережить свое отождествление с архетипической фигурой самой Смерти, ощущая всю чудовищность этой вселенской силы [5, с. 66–67].

На наш взгляд, сомнительно, что ощущения убитого солдата, раба, мученика или матери, потерявшей детей, есть переживание воспоми-

наний прошлой жизни. Никаких доказательств этого Грофы не приводят. Но если такие ощущения у человека появляются, то это вовсе не воспоминания прошлых жизней, а просто знание об убитом солдате, рабе и т.д., полученное человеком в результате обучения, приобретения личного жизненного опыта, чтения книг, просмотра кинофильмов и т.д. Соответствующее знание переживается потому, что какие-то обстоятельства жизни, субъективные состояния делают его актуальным.

Разумеется, страх смерти не единственный страх, их множество – от откровенных и грубых до тонких проявлений, далеко не всегда охватываемых сознанием и вызывающих общие состояния тревожности и беспокойства. Большинство людей достаточно успешно справляется с ними в своей повседневной жизни, но они усиливаются в критических состояниях субъекта или общества, в ситуациях неопределенности, новых и неожиданных, когда неизвестное и непонятное воспринимается как реальная угроза.

Каково значение страха смерти для человечества и человека?

Полагаем, что знание, предчувствие, предощущение неизбежной кончины и страх перед ней стали началом духовной жизни, попыток осмысления ее и поисков ее смысла, источником трудовой и творческой активности, первопричиной полнокровного наслаждения земными радостями и в то же время преступного поведения. Жизнь предстала перед человеком во всем своем богатстве и разнообразии и по причине сопоставления со смертью, причем даже при наличии веры в загробную жизнь. Самая искренняя вера имела один весьма существенный изъян: в темных глубинах психики все-таки оставались сомнения в возможности такой жизни. Страх был всеобъемлющ и потому, что смерть настигала не только человека, но и все остальное живое.

Страх смерти – это архетип, наследуемый всеми. У отдельного человека он возникает еще в утробе матери, хотя ее лоно – самое защищенное место на свете. Но и его защищенность относительна, поскольку мать может стать жертвой насилия или болезней.

Страх смерти в числе других факторов положил начало и религиозной жизни, ибо религиозному человеку вполне естественно предположить, что смерть наступает по воле высших сил. В эпоху господства магии человек полагал, что он способен руководить миром и, зная его правила, в основном не очень сложные, но открытые лишь особо посвященным, может изменить его. Однако вследствие глу-

боких раздумий, в первую очередь по поводу смерти, человек пришел к выводу, что смерть насыщается тем, кого он называл богом (или богами). Их бессмертие точно отражает общечеловеческий страх перед смертью, поскольку человек спроецировал на богов свое неистребимое желание жить вечно. Сейчас вера в бога во многом «проходит» через веру в загробную жизнь, которая покоится на страхе смерти. Таким образом, и с этой стороны духовность опирается на тот же страх. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр., 21:4). Если бы такое сбылось, человечество перестало бы быть человечеством, но скольких людей утешили эти замечательные слова и сколько страданий они сняли, вселив великую надежду.

Страх смерти – это таящееся в глубинах психики постоянное ощущение неизбежного небытия, несуществования, некоего обрыва, за которым не следует ничего. У подавляющего большинства людей образ смерти, мысли о ней вызывают негативные, деструктивные эмоции как нечто неведомое и ужасное. Исключение составляют, возможно, те, кто верит в загробную жизнь, причем в их числе могут быть и нерелигиозные люди. Не вызывает сомнений, что у человечества в целом однозначно негативное отношение к смерти, что способствует формированию аналогичной позиции у конкретных лиц.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь незримо сопровождая человека и незаметно влияя на его поступки. Но в некоторых случаях, чаще всего в результате эмоционального отвержения родителями своего ребенка, необеспечения его своим попечением, этот страх может выйти за рамки. Тогда личность начинает острее ощущать угрозу скорой гибели и необходимость что-то предпринять, например упреждающие насильственные действия. Важно отметить, что острота угрозы далеко не всегда выражается только в том, что индивид начинает чаще думать о неизбежной кончине, ищет и находит предвестников, лишь определенным образом объясняет некоторые приметы и события, постепенно подчиняя подобным предчувствиям всего себя. Иногда смертельная опасность представляется ему в отношениях, высказываниях и поступках других лиц, хотя объективно они могут и не быть таковыми.

Повышенный страх смерти способен создавать соответствующую личностную диспозицию высокой тревожности и негативных ожи-

даний, причем человек чаще всего не знает, откуда ждать беду; появляется общая неуверенность в себе, в своем бытии, боязнь утраты себя, своей целостности и определенности, даже права на существование. Субъект с повышенной тревожностью совсем иначе видит мир и воспринимает внешние воздействия. У таких людей бессознательная борьба с угрозой жизни способна преодолеть любые нравственные преграды.

Именно поэтому, зная о таких преградах, человек не воспринимает их и не принимает во внимание. Конечно, возможна компенсация указанных черт с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни. Если такое воздействие имеет место, оно снимает страх и общую неуверенность в себе и относительно своего места в жизни. Однако чаще всего этого не происходит, и поэтому преступное насилие отчужденных личностей становится реальностью. Современное воспитание является неэффективным и по той причине, что оно, в частности, не дает возможности преодолеть страх смерти и тревожность в целом.

Сказанное позволяет считать, что защита своего бытия, своего «Я» является глубинным личностным смыслом большинства убийств, в частности сексуальных. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, что какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие.

Все это прежде всего относимо к убийцам, сексуальным в том числе, которых отличает импульсивность, ригидность (застываемость аффективных переживаний), подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях. Они бессознательно стремятся к психологической дистанции между собой и окружающим миром и уходят в себя. Эти данные можно интерпретировать как глубокое и длительное разрушение отношений со средой, которая начинает выступать в качестве враждебной, разрушительной и в то же время часто непонятной силы, несущей угрозу для данного человека. С этим, несомненно, связаны подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность к внешним воздействиям, непонимание среды, что повышает и поддерживает тревожность и страх смерти.

Жестокость при совершении серийных убийств тоже берет свое начало в страхе смерти. Поэтому жестокость выступает в качестве

средства, а также неистового протеста против того, что какие-то поступки другого лица могут показать сексуальную, эротическую несостоятельность виновного и тем самым снизить его самооценку. При этом сексуальное отвергание не следует понимать узко, лишь в смысле отказа от половой близости. Например, уход любимой жены – тоже проявление такого отвергания, которое может означать полную катастрофу для мужа, особенно если жена несла основную нагрузку в его социально-психологических связях с окружающим миром. Не менее болезненны случаи предпочтения одного мужчины другому.

Некрофилия может быть связана с алкоголизмом и наркоманией, в чем нас убеждает и судебно-следственная практика, заключения экспертов. Состояния алкогольного или наркотического опьянения способны облегчить некрофильское поведение, стимулировать его, снимая запреты. Возможны, как уже показано выше, убийства по некрофильским мотивам. Нередко прибегают к самоубийству наркоманы и алкоголики. Некрофилия сопровождает многие психические расстройства и болезни, во всяком случае, она обычно выявляется при проведении психиатрических экспертиз.

Некрофилия представляет собой сугубо психологическое явление, точнее – патопсихологическое, глубинные корни которого лежат в онтологической и филогенетической областях (есть и другие точки зрения, рассматривающие некрофилию в рамках психиатрии) [6, с. 251]. Некоторые проявления некрофилии с трудом поддаются учету, особенно те, которые не регистрируются как преступления. Здесь имеется в виду то, что Э. Фромм назвал несексуальной некрофилией: желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему, расчленять мертвое тело. Некрофильских же преступлений особенно много в периоды воин и тоталитарных репрессий.

Некрофилия соседствует с целым рядом других патопсихологических отклонений, в первую очередь с садизмом, который представляет собой причинение страданий и мучений ради получения удовольствия и удовлетворения. Однако во многих случаях садист не убивает свою жертву, поскольку тогда он лишится объекта своих издевательств, и именно этим он существенно отличается от некрофила. Но если садист может убить свою жертву и в любое время переключиться на другую, например, в концентрационном лагере, т.е. все основания говорить о садонекрофилии (или

некросадизме, что одно и то же). В ряде случаев садизм очень трудно отличить от некрофилии, хотя может быть и так, что оба отклонения присутствуют одновременно.

Если некрофилия – влечение, тяготение к смерти и одновременно страх перед ней, а танатология – это наука о смерти, то, естественно, что некрофилия как научная проблема теснейшим образом связана с этой наукой. Многие смерти наступают по некрофильским мотивам. Все это означает, что нельзя исследовать некрофилию вне танатологии.

К несексуальной некрофилии Э. Фромм относил желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему и, наконец, специфическую страсть к расчленению мертвого тела. Все лица, занимающиеся похоронной и кладбищенской деятельностью, от руководителей данного бизнеса до сотрудников ритуальных учреждений, кладбищ, моргов, не говоря уже о патологоанатомах, прямо или косвенно соприкасаются с покойником, но ни об одном из них не следует говорить как о некрофиле. Основанием для такого вывода могут быть лишь итоги изучения конкретного человека.

Итак, некрофилия может быть определена как тяготение человека к смерти, которое становится основанием для лишения других или себя жизни. По сравнению со стремлением к мертвому, разлагающемуся, неживому, если это не нарушает уголовный закон, такая некрофилия представляет собой чрезвычайно опасное явление. Тяготение к смерти может быть вызвано любопытством к этому неведомому и грозному, вызывающему страх, желание заглянуть за грань и тем самым снизить это «нечто». Среди причин некрофилии можно назвать потребностью показать свою силу и власть, древнейшее влечение, когда первый человек (или еще получеловек) не ощущал разницы между живым и мертвым и допускал, что это одно и то же. Если бы он был еще животным, то страшился бы смерти на организмическом уровне, но он уже не был животным, но еще не был и человеком. У конкретного человека могут, причудливо переплетаясь, наличествовать все названные мотивы, причем, как правило, на бессознательном уровне.

Существует мнение, что у некоторых народов, например ацтеков и майя, смерть не считалась чем-то особенно страшным, поэтому люди чуть ли не добровольно отдавали себя палачам с уверенностью, что в том мире все будет не хуже, чем в этом, а может быть, и

лучше. Естественно, что майя и ацтеков воспитывали так, чтобы они не боялись смерти и, возможно, даже стремились к ней. Но остается неясным, насколько они поддавались, подчинялись воспитанию и внушению. Вероятно, в глубине души они все-таки страшились смерти и хотели бы ее избежать.

Поистине необъятные возможности для проявления некрофилии и других отвратительных явлений, например садизма, предоставляет война (не только непосредственно военные действия, но и отношение к военнопленным и мирному населению). То же самое можно сказать о революциях и бунтах, но они в этом плане более ограничены. Однако агрессию во время войн, революций и бунтов ни в коем случае нельзя уравнивать с некрофилией, а тем более ею объяснять эти явления. Необходимо учитывать, что агрессия может быть использована и для защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека.

Некрофилия не есть следствие только инстинкта смерти, во всяком случае, полностью, целиком. Ведь инстинкт, согласно классической теории, является врожденным, биологически детерминированным побуждением, а

некрофилии можно научить, воспитать некрофила, чтобы он получал от этого удовольствие. Разумеется, наряду с этим может существовать биологически врожденное, часто бессознательное влечение к причинению смерти, своей или чужой.

Возражая против безоговорочного отнесения некрофилии к инстинкту смерти (З. Фрейд достаточно обстоятельно исследовал инстинкты и жизни, и смерти), обращаем внимание на то, что влечение к смерти вообще может быть и инстинктивным, и к тому же вполне осознанным. Некрофилия бывает у человека и никогда – у животных, но их тоже ждет смерть. Таким образом, не отрицая существование инстинкта смерти, способного породить некрофилию, предлагаем другое понятие – движение к смерти. Это движение весьма многослойно и в некоторых случаях охраняет жизнь, когда, например, жертвуют собой ради другого. Движение к смерти может порождать новую жизнь, например, рыба идет на нерест и вслед за этим сразу умирает.

Наибольшую опасность представляют державные некрофилы типа Сталина и Гитлера, жертвами которых становятся миллионы людей.

1. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994.

2. Фромм Э. *Иметь или быть*. М., 1990.

3. Элиаде М. *Аспекты мифа*. М., 1997.

4. Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М., 1999.

5. Гроф С., Гроф К. *Неистовый поиск себя*. М., 1996.

6. *Справочник по психиатрии* / под ред. А.В. Снежневского. М., 1985.

1. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. Moscow, 1994.

2. Fromm E. *To have or to be*. Moscow, 1990.

3. Eliade M. *Aspects of the myth*. Moscow, 1997.

4. Levy-Bruhl L. *Supernatural in primitive thinking*. Moscow, 1999.

5. Grof S., Grof K. *Frantic search for yourself*. Moscow, 1996.

6. *Handbook of Psychiatry* / ed. by A.V. Snezhnevsky. Moscow, 1985.